

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЭМИ ТАН КАК ПРОСТРАНСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Несмотря на то, что понятие мультикультурализма возникло более 20 лет назад в сфере американских интеллектуалов, а само явление — взаимодействие культур и этничностей — возможно, насчитывает не одну сотню лет, оно до сих пор не получило если не однозначного, то хотя бы четкого определения. Для России же данный феномен в современном его облике относительно нов, и поэтому фундаментальных работ по его изучению практически нет. Среди отечественных исследователей нам хотелось бы назвать М. В. Глостанову и С. П. Толкачева, на Западе этим вопросам посвящено значительное количество статей и монографий. Мы считаем, что необходимо дать краткий обзор существующих воззрений на интересующее нас явление.

Следует прежде всего отметить, что поскольку каждая трактовка априори субъективна, исследователям данного явления приходится прибегать к различным методам объективации. С точки зрения уже упомянутой нами выше М. В. Глостановой, это говорит о гибкости самого феномена в контексте современности [1]. Однако это часто приводит к искажению изначального содержания данного понятия. При знакомстве с работами западных теоретиков, собранными Синтией Уиллетт в сборник [2], и некоторыми другими нам удалось выделить три таких метода: 1) максимально широкая трактовка явления с помощью неких философских категорий или через оппозиции с уже известными явлениями (А. Македон [3], Л. Харрис и др. [2]); 2) попытка схематизации явления либо рассмотрение его проявления в конкретной сфере человеческой деятельности (Н. Фрейзер и ее оппоненты: Ч. Тэйлор, А. Янг, Л. Блум, а также Т. Лорен); 3) критика попыток воплощения идей мультикультурализма в реальности, выявление несоответствия между первоначальной идеей и конечным результатом (М. Матуштик, А. Кадд, У. Черчил и др.).

Каждый из них имеет свои положительные и отрицательные стороны. В первом случае мы сталкиваемся либо с невозможностью четких формулировок и «эссенцистичностью» определений. Во втором — очевидно чрезмерное упрощение реальной действительности (практически до дихотомии с промежуточным, смешанным, вариантом у Н. Фрейзера), и следовательно, невозможность использовать данную теорию применительно к современной ситуации. Критика же, с одной стороны, выполняет «контролирующую» и «охранную» функции. Однако в обыденном сознании может произойти перенос отрицательного отношения к «форме» на «суть»; в нашем случае это может проявляться в отрицании самой идеи мультикультурализма только потому, что ее используют те или иные политики в своих целях.

Рассмотрение мультикультурализма именно в его проявлениях в социально-политической сфере является широко распространенной тенденцией

не только у зарубежных, но и у отечественных теоретиков. В частности, С. П. Толкачев [4, с. 192–193] выделяет четыре основных значения, которые могут приписываться данному термину в современных исследованиях: 1) результат исторического процесса — создание в той или иной стране многонационального общества; 2) специфическая внутренняя политика тех или иных стран, которые «будучи перенаселенными выходцами из бывших колоний, вынуждены изыскивать новые законы внутреннего общежития, связанные в первую очередь с кодексом политкорректности и стремлением совместить культурные и этнические потребности огромного числа народностей»; 3) полиэтнический контекст жизни той или иной страны; 4) феномен внутрисемейных отношений людей, принадлежащих к разным культурам.

М. В. Глостанова, при том, что в целом она отмечает противоречивый характер данного явления и указывает на его полиаспектный и междисциплинарный характер, а также на возможность трактовки его как «состояния» [5, с. 6], тем не менее не только определяет его как «признание и утверждение культурного плюрализма в качестве характеристики общества» или «определенную концептуальную позицию в сфере *политической* философии и этики», но и все современные концепции, или, скорее, формы существования мультикультурализма, разделяет прежде всего по политическому признаку на либеральные или плюралистические, леворадикальные (экстремистские), консервативные (корпоративные) и диалогические [5, с. 85–95]. Подобный подход вполне оправдан хотя бы тем, что воплощение идеи мультикультурализма в масштабе всей страны на первый взгляд зависит именно от правильного ориентирования членов общества. Однако все исследователи в конечном итоге приходят к выводу, что основой должна стать трансформация сознания каждой отдельной личности, и лишь в этом случае возможно преобразовать все общество. Пока же, к сожалению, все действия политиков, даже те, которые на первый взгляд соответствуют идеям этнического релятивизма и терпимости, в действительности направлены на приведение всех к единому, западно-европейскому, стандарту (так, в частности, можно истолковать и введение в США закона, дающего право представителям этнических меньшинств обучаться в одних вузах с представителями белого большинства).

Мы намеренно до сих пор не формулировали, в чем же конкретно, по нашему мнению, состоит основная идея мультикультурализма. С нашей точки зрения, ответ заключен в самом термине «мульти-культура-лизм» — сосуществование культур, культурная множественность. Как указывает С. Г. Тер-Минасова, термин «культура» был заимствован из технического словаря антропологии и охватывал «весь образ жизни членов общества, насколько этого требует сообщество» [6, с. 15]. Таким образом, мы предлагаем рассматривать данное явление в широком смысле **как новую форму утопически-идеалистической мечты человечества о бесконфликтном сосуществовании.**

В конце XX — начале XXI в. большой резонанс вызвали работы, ориентированные на выявление и описание культурных различий, культурного

шока и (культурных) конфликтов. Безусловно, все это пока является частью любого мультикультурного общества. Однако парадоксально то, что как раз само существование этих явлений противоречит идее мультикультурализма как сообщества, в котором культуры существуют и взаимодействуют на основе свободной воли и психологической открытости, направленности на продуктивную коммуникацию каждого его члена. На данном этапе целесообразно воспользоваться трактовкой культурологов [7] и определить культуру как совокупность четырех элементов: *понятия или концепты*, которые содержатся главным образом в языке и отражают мировидение членов того или иного языкового сообщества; *отношения*, т. е. компоненты, выявляющие отношения между понятиями и концептами в пространстве и во времени; *ценности*, как «общепринятые убеждения относительно целей, к которым человек должен стремиться»; *правила* или нормы межличностного и иного взаимодействия. Культурный шок возникает преимущественно тогда, когда одно или несколько составляющих культуры одной этничности сталкиваются с элементами другой культуры. При этом психология человека на данном этапе развития такова, что все незнакомое воспринимается не только как «другое», но как «чужое», более того, как «враждебное». Как следствие, возникает потребность секуляризации с целью защиты своего, знакомого, положительно маркированного. Проявляться это может по-разному: от создания общины до крестовых походов или джихада, борьбы за свои права. Однако теоретически человек будущего, член мультикультурного общества, будет гармонично развитой личностью, свободно перемещающейся между культурами посредством усвоения всех или некоторых элементов незнакомой среды, существующей в некоем межпространстве, когда ни одна культура не будет восприниматься как абсолютно чужая, а тем более враждебная.

Есть мнение, что подобные люди уже существуют. Это так называемые «новые андрогины» [8], писатели-мигранты, носители двойной идентичности. Прежде всего, необходимо отметить, что объединение произведений под грифом мультикультурализма весьма условно. С точки зрения М. В. Тлостановой, связующим элементом между ними является «принадлежность к определенному месту и времени — мультикультурному пространству глобализации и эре Агасфера...» [1]. Эрой Агасфера М. В. Тлостанова называет век глобализации, которая ведет к возникновению «транснациональной» действительности. Понятие нации переосмысливается и принимает вид «окончательной общности судьбы». Признается условность самого этого конструкта как искусственно созданного самим обществом, высказывается новый взгляд на идентичность (в том числе и этническую) как некий символ, знак или маркер различия, который лишь приписывается группе и которым может и стремиться обладать индивид, но который не является присущей ему сущностной характеристикой. Однако именно поиски идентичности — а эту потребность причисляют к одной из базисных, наряду с потребностями в безопасности и благополучии — станут одной из ведущих тем литературного творчества рубежа XX–XXI вв. Это может быть связано с географи-

ческим и «виртуальным», понятийным размыванием национальных границ, а также с процессами дробления, секуляризации индивидов внутри общества. Наиболее полно она раскроется в творчестве писателей-мигрантов. Пожалуй, это единственная общая тема для всех представителей этого направления. Другие же черты прозы писателей-мигрантов, как то: тема изгнания, колебание между центром и периферией, ностальгические интонации, и др., на наш взгляд, универсальными не являются, поскольку творчество данной группы писателей представляет собой некую фиксацию рефлексии над современной им действительностью.

Сам процесс рефлексии предполагает «просеивание» реальности через себя, а значит, через собственный культурный опыт, который не может быть одинаковым, скажем, у иммигранта китайского, японского и индийского происхождения. Кроме того, дети иммигрантов, также часто рассматривающие в своих произведениях проблемы «пограничного» состояния, ощущают его иначе, чем их родители, ввиду того, что они сформировались уже в иной культурной среде, поэтому многие авторы поднимают вопрос о взаимопонимании между родителями и детьми в культурно неоднородных семьях.

Вероятно, деление на подгруппы по «национальному» признаку представляется целесообразным как раз по причине большей степени общности культурного бэкграунда, а следовательно, больше вероятность того, что возможно будет обнаружить черты сходства между этими авторами, их осознанием реальности и ее воплощением в художественных произведениях.

Нас будет интересовать творчество современной азиатско-американской писательницы Эми Тан, с творчеством которой российский читатель уже имел возможность познакомиться благодаря публикации отрывков ее романа «Клуб радости и удачи» в журнале «Иностранная литература» [7] и более позднего издания другого ее произведения — «Сто тайных чувств» [9]. Однако основным источником литературного материала для данной статьи послужил роман «Жена кухонного бога». На наш взгляд, ее произведения дают возможность проиллюстрировать все особенности мультикультурной литературы: умеренная, но тем не менее «сущностная» экзотичность (не просто декорации), которая, с одной стороны, дает возможность «интеллектуального приключения», связанного с декодированием, а с другой — открывает (при помощи автора-переводчика) новый мир Востока и иное мировоззрение. Особую роль здесь играет и то, что Эми Тан в совершенстве владеет английским языком (своеобразная уступка бытующему в литературе европоцентризму и ставка на язык интернационального общения).

Основной в творчестве данной писательницы станет тема человеческих взаимоотношений, прежде всего родственных: между матерью (наследием предков) и дочерью, между сестрами и мужем, другом и, может быть, главное — с самой собой. Героини всех ее романов проходят путь от существования в зоне постоянного внутреннего и внешнего (хотя подчас и скрытого) конфликта к гармонии с окружающими и с самими собой. Причем мы считаем себя вправе утверждать, что основной вехой на этом пути является

преодоление предрассудков, вне зависимости от возраста, жизненного опыта, воспитания, культурной и этнической принадлежности. В ее произведениях присутствует мир полуэкзотичной и полупонятной культуры (в данном случае китайской), который является неотъемлемой частью жизни всех персонажей, только одни хотят ее сохранить, а другие — изгнать. И на первый взгляд может показаться, что именно эта «китайскость» занимает центральное место в личности каждой из героинь, и именно она является причиной недопонимания. Однако это впечатление обманчиво. Героини старшего поколения лишь в начале романа, как правило, воспринимаются читателем как представительницы экзотической культуры. При этом они и сами себя привыкли ощущать и преподносить в соответствии со стереотипным представлением о традиционной, и в частности китайской, культуре. При ближайшем же рассмотрении оказывается, что они уже изначально не вписывались в рамки традиционного воспитания. Обратимся к роману «Жена кухонного бога» и истории одной из главных героинь — Винни (Вей-Бей) и попробуем понять процесс переоценки себя, который происходит в сознании героини. Винни пытается осмыслить взаимоотношения с собственной матерью, которую она почти не помнит. Та не побоялась нарушить патриархальные устои и оставить мужа, она сделает то же, ибо унаследовала сильный самобытный характер, позволивший ей уже в детстве не только иметь собственное мнение (например, о картине), но и высказывать его, нарушая тем самым правила поведения, принятые в Китае. Отец Винни скажет ей: «Совсем как твоя мать. Она тоже всегда хотела чего-то простого. Всегда хотела чего-то большего. И ты такая? — Такая» [10, с. 112].

Нельзя сказать, что воспитание и особенно неудачное замужество не наложили отпечаток на характер героини. «Вот чему научила меня моя свекровь. Защищать мужа, чтобы он защищал меня. Бояться его и считать это уважением. Подавать суп, который считался достаточно горячий, если, опуская туда палец, я обжигалась. И я думала, что это означало также, что подобные страдания ради мужа и есть настоящая любовь. ... я много страдала и думала, что моя любовь становится все больше, а я, как жена, — все лучше». В какой-то степени, она стала жертвой предрассудков, только уже «китайских». Жизнь заставляет ее это осознать, заставляет поступать сообразно с собственными желаниями, с собственным характером. Лишь поначалу она подавляла в себе гнев и ненависть к мужу: «Я не сердилась. Я не знала, что [в таких случаях] следует сердиться. Ведь это Китай. В Китае женщина не имеет права сердиться» [Там же, с. 205]. В дальнейшем она уже не скрывала, что его поведение «выводило ее из себя», причем эта фраза в тексте повторяется неоднократно. Ей уже не столь важно, как посмотреть на ее поступки окружающие, насколько это согласуется с принятыми нормами поведения: она не только впускает в свой дом любовницу мужа, вызывая его недоумение, но и поддерживает с ней дружеские отношения. Общественное мнение уже становится «инструментом» в борьбе с мужем за свободу.

Именно в этот момент — первого обретения себя — она встречается с американцем (китайского происхождения) Джимми Луи, своим будущим

мужем. Они понимают и поддерживают друг друга — и это настоящая любовь. В данном случае следует обратить внимание на тот факт, что культурный фактор почти не влияет на их отношения до приезда Винни в Америку. Так же, как общность культуры не помогла ей найти гармонию в первом браке. Таким образом, Эми Тан выводит на первый план именно личностные качества человека, а не его культурную и этническую принадлежность. Правда, следует оговориться, что дистанция между этими двумя героями минимальна, так как Джимми не просто усвоил оба культурных кода, но, что немаловажно, владеет двумя языками.

Все меняется, когда Винни приезжает к нему в США. Те факторы, которые уменьшали пропасть между ними, теперь ее увеличивают: он здесь «свой», а она «чужая», он знает язык этой страны, она — почти нет, он верит в Бога, она — в знаки. И в таких стрессовых для нее условиях, когда даже муж переходит в категорию «другого», Винни снова подчиняет себя стереотипам общества, правда уже американского. Она уверена, что должна хранить свое прошлое в секрете даже от родных, потому что «они не поймут». Эта обоюдная «презумпция непонимания» только на том основании, что у них другой культурный фундамент, и становится причиной отчуждения родных людей.

Однако, с нашей точки зрения, Эми Тан пытается донести до читателей мысль о том, что **человеческие** переживания найдут отклик и понимание у «слушателя», независимо от его культурной, этнической, расовой, классовой принадлежности. Привычка видеть причину тех или иных поступков в своем культурном наследии с точки зрения автора романа равносильна апелляции к «дурной наследственности»: так, Вен-Фу кажется Винни воплощением всех зол и проявление его характера она видит в дурных поступках своей дочери, хотя он может и не быть ее отцом. С этой позиции был истолкован и отказ девочки подойти и попрощаться с отцом на похоронах, и вспышка гнева девочки-подростка, которой запретили ехать с друзьями на пляж. Но Винни признается дочери, что в конечном итоге она была не права, потому что ее младший сын тоже вел себя подобным образом в сходной ситуации. «И я была так рада, что больше не могу винить в этом Вен Фу. Это исходило от тебя самой» [10, с. 319].

Точно так же и персонажи других романов противоречат стереотипным представлениям о китайцах. Рассказывая о своей жизни в Китае, эти женщины подчеркивают, что не вписывались в рамки традиционного восточного общества и их поведение часто шокировало окружающих. Так, Суань У организовала «пиршества», когда другие люди умирали с голоду, и многие считали, что это «нехорошо». Иннин была слишком непоседлива для девочки по китайским меркам: «Мальчик может гоняться за змеем... потому что у него такая природа, а девочка должна стоять спокойно». Таким образом, у этих женщин с рождения было значительно больше индивидуализма, чем у других китайцев из их окружения. Подчас даже внешность героини противоречит представлениям о «китайскости» [9, с. 31].

Как правило, дочери также находятся под властью предрассудков отно-

сительно своих родных. Однако они считают главной причиной разрыва культурные отличия. Цзиньмэй, героиня «Клуба радости и удачи», не воспринимала свою мать всерьез. Ее куэнлинская история представлялась Джун сказкой, как и вообще всегда Восток виделся Западу; этому способствовало и то, что каждый раз Суюань что-то в ней изменяла. Дочь считала, что «Клуб радости и удачи» — «позорный китайский пережиток, вроде тайных сборищ ку-клуксклановцев или боевых плясок индейцев под звуки тамтама на экранах телевизоров» [7, с. 118]. Так же и Перл относится к постоянным поискам мистических причин всего происходящего, которые свойственны ее матери. Однако поведение Винни несколько не отличается от поведения любой другой матери, узнавшей о серьезной болезни своего ребенка: она суетится, переживает, но именно такое проявление заботы и было необходимо Перл. «Я собиралась воспротивиться этому (лечению китайскими травами), сказать, что она зря так разволновалась из-за пустяка. Но вдруг я поняла, что не хочу, чтобы она перестала [волноваться]. Странно, но я почувствовала облегчение. Может, это не совсем то слово, так как боль еще оставалась. Но она разрывала ее в клочки и изгоняла из сердца — мою защитную скорлупу, мой гнев, мои самые потаенные страхи, мое отчаяние. Она забирала это все себе, чтобы я наконец смогла увидеть то, что осталось — надежду» [10, с. 507].

Итак, культурные различия не являются непреодолимым препятствием для продуктивного общения и взаимопонимания, так же как и принадлежность к одной культуре не гарантирует этого. Примерами могут служить отношения героинь с мужьями. Подчас они даже не задумываются, что близкий человек мучается, или не знают их привычек.

Эми Тан призывает «сжечь» свои предрассудки, так же как Винни сжигает изображение кухонного бога, который символизирует для нее Вен Фу, как воплощение пороков, с одной стороны, и темных страниц его прошлого — с другой. Нам кажется, для автора важно подчеркнуть, что Америка дает возможность не «спрятаться» от прошлого, а начать думать «по-новому», сохраняя при этом все лучшее, что дала культура родной страны, как особый вкус воды из ручья. И Перл, приобщившись к своему культурному наследию через рассказ Винни, находит внутреннюю гармонию и взаимопонимание с матерью — и после этого у героев начинается жизнь «беспечальных».

Нам кажется, что приведенный анализ, при всей поверхностности, подтверждает, что подобного рода литература смогла сохранить изначальное содержание понятия «мультикультурализм». Она призывает признать многообразие культур как норму жизни и научиться свободно входить внутрь каждой по необходимости, не теряя при этом собственной индивидуальности, но обогащая свою личность. Эми Тан подчеркивает, что общение происходит прежде всего между людьми, все остальное уже второстепенно.

Мы еще не можем утверждать, что данный пафос универсален для всей мультикультурной литературы, и это открывает широкие возможности для дальнейшего сравнительного анализа.

Примечания

1. *Тлостанова М. В.* Эра Агасфера, или Как сделать читателей менее счастливыми? // *Иностр. лит.* 2003. № 1 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2003/1/tlost.htm>
2. *Theorizing Multiculturalism. A Guide to the Current Debate* / Ed. by C. Willett. Blackwell Publishers, USA, 1998.
3. *Makedon A.* What Multiculturalism Should Not Be [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://webs.csu.edu/~big0ama/CSUhomepg.html>
4. *Толкачев С. П.* Мультикультурное пространство и мультикультурная литература // «Пост» как диалог культур и цивилизаций / Ред. М. К. Попова и В. В. Струков. Воронеж, 2005. С. 187–201.
5. *Тлостанова М. В.* Мультикультуралзм и литература США XX в. М., 2000.
6. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. М., 2000 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.yanko.lib.ru/books/language/ter-minasova/lang.htm#_Toc37278127
7. *Тан Э.* Клуб радости и удачи // *Иностр. лит.* 1996. № 9. С. 108–181.
8. *Чхарташвили Г.* Но нет Востока и Запада нет: О новом андрогине в мировой литературе // *Иностр. лит.* 1996. № 9 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/inostran/96/9/vostoc_z.htm
9. *Тан Э.* Сто тайных чувств: Роман / Пер. с англ. А. Патрикеевой. М., 2003.
10. *Tan A.* The Kitchen God's Wife. N. Y., 1991.
11. Культурология XX в.: Энцикл. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://velikanov.ru/culturology/z.asp#BM70006>

© Пургина Е. С.
г. Екатеринбург

ПРОБЛЕМА АНГЛИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В «ИТАЛЬЯНСКИХ» РОМАНАХ Э. М. ФОРСТЕРА

К «итальянским» романам Э. М. Форстера традиционно относятся два его ранних романа «Куда боятся ступить ангелы» (1905) и «Комната с видом» (1908). Оба романа, как и целый ряд рассказов (в том числе и «История паники»), были написаны Форстером под впечатлением от длительной поездки в Италию, которую он совершил вместе со своей матерью в 1901 г. по окончании университета. Италия показалась ему необыкновенно чувственной и волнующей страной, дав Форстеру впечатления, необходимые для написания его первого романа (в 1962 г. обращаясь к итальянской публике, Форстер писал, что в Италии «его жажда творчества была выпущена на свободу» [1]). «Итальянские» романы объединяет не только место действия и время их написания, но и то, что они по сути своей являются «социальными» или «романтическими комедиями»: в отличие от произведений зрелого Форстера, здесь мы имеем дело с относительно стабильным миром, где властвуют незыблемые нравственные законы и где носители добродетелей, которые Форстер считал самыми важными, — «развитое сердце», способность испытывать страсть, вера в воображение, — «побеждают толпы невеж и одерживают блестящие нравственные победы» [2].